

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДОШЛА И ДО КУДЕЛЬКИ

- Милая, в этом году мне исполнится 89 лет. На девять лет я старше города, - слышу в телефонной трубке голос женщины. - Много пережила за эти годы. Приходи ко мне, расскажу, каким застала Асбест. Только книжку с собой захвати Александра Копырина.

Увидев увесистый том "Асбест. Куделька. Копи", Валентина Афанасьевна Шагина обрадовалась, как ребенок:

- Надо же, какая красава, - крутя ее в руках, говорит ветеран. - Все книги, которые написаны о городе, читаю. Уже стара стала, многое и не помню, но при пролистывании книжных страниц память возвращается.

Достав печатные томики об Асбесте, неспешно перелистив страницы книг, словно набравшись знаний, Валентина Афанасьевна начала свой рассказ:

- Когда я только родилась, наша семья жила в доме у маминой сестры Евдокии в Грязнушке. Сейчас там поселок Папанинцев. Дом стоял около Ильинской больницы, единственной в округе. Город-то тогда совсем маленький был. Когда мне исполнилось годика два, папе Афанасию Павловичу на работе (он тогда трудился на Южном руднике мастером) дали квартиру на Изумруде. Во дворе дома родители держали корову и лошадь, был небольшой огородик.

Всюду нас окружал лес. По узкой тропинке через лес я вместе с родителями ходила в гости к тетке в Грязнушку. Как щебетали птицы в бору, вы не представляете, такие великолепные трели заводили. Птичье пение осталось у меня в памяти, до того оно было прекрасно.

Отец на работу ездил на лошади. Город уже строился, а папа был как бы прорабом: курировал объект, раздавал задания, отмечал их выполнение. Как-то раз он не заплатил плотнику за работу. Плотник, видно, обиду затаил на отца, и когда тот ехал после смены домой, мужик подкараулил его и ударил палкой по голове. Отец упал на землю. Понувшись кровь, лошадь захрипела, ускакала.

На улице смеркалось, отца запорошило снегом. Если бы проезжавший мимо путник не заметил отца, тот бы точно замерз. Положив отца на розвальни, мужчина привез его в поселок. Ходя по дворам, он кричал: "Чей дядька?" Мама Анфиса

Константиновна, услышав крик, тут же выбежала. Долго приводили отца в чувство. Выздоравлив, он сменил место работы. Улик, указывающих на то, что убить его хотел плотник, у отца никаких не было, одни только подозрения. Да и сами родители боялись, что этот мужик может еще не раз причинить горе нашей семье.

В Асбесте на улице Дзержинского, ниже водонапорной башни, уже строился наш будущий дом. Не дожидаясь окончания работ, мы переехали в город. Папа продал лошадь и корову. Боявшись мести, родители по периметру строящийся дом обнесли высоким забором, завели собаку. Пока дом не был сдан, жили в конюшне. Маме отдельно небольшую кухню отгородили, мне - свой угол.

В дом мы заехали в 1928 году. В аккурат на Первомай. Дом был шикарный, двухквартирный, в одной половине жили мы: три комнаты, терраска, высокое деревянное крыльцо, огромные окна - настоящие хоромы. Я как бешеная бегала по дому и орала, не верила в счастье. Чувствовала себя хозяйкой. Еще бы, теперь у меня была собственная комната.

Помню, выйду в пальтишке на крыльцо, руки в карманы, и смотрю по сторонам, наслаждаясь. На Первомай служба в церкви была. Колокольный звон разносился за несколько километров, долетал и до нас.

Недалеко от дома находилось озеро Щучье, стоял магазин "Зеленый" - так его в народе называли, потому что был покрашен в зеленый цвет. Повзрослев, с ребятами бегали купаться на озеро.

Помню еще тротуары деревянные. Однажды мне папа коньки так туго привязал к валенкам, что снять их было просто невозможно, а тут еще мама в магазин за хлебом отправила. И я в этих коньках, ковыляя, пошла в магазин. Лезвие конька застряло между деревянными досками. Если бы мне не помогли высвободиться взрослые, семья без хлеба так и сидела бы.

А вообще дефицит хлеба был страшный. Бывало, мама разбудит меня ни свет ни заря, и я бегу в магазин № 7 очередь занимать.

Хлеб в магазине давали не всем. На рабочего отпускали восемьсот граммов, на иждивенцев давали граммов по триста. Вот и представьте: принесу я эту пайку домой, а нас трое детей да родители, булка за раз уйдет. Отец постоянно говорил маме: "Мать, отдай золотые кольца. Поеду в Свердловск, продам, а то погрем с голоду".

От голода семью спасал огород. Овощи выращивали, смородина у нас росла, черемуха. Потом корову купили. Помню, по небу огромные дирижабли летали. Сестренка Ниночка маленькая совсем была, родилась она в 1932 году. Как увидит дирижабль, кричит: "Свинья летит!", а потом, протягивая к небу сложенные вместе ладошки, шептала: "Дяденька, сбрось кусочек хлебушка Ниночке!"

На улице Калинина стояли элитные дома. Были они шестиквартирные, одно- и двухэтажные. Недалеко от нашего дома в двухэтажке жили учитель со своими семьями. Летом, бывало, только прибежим со Щучьего озера, вещи домой занесем и бегом в старики-разбойники играть. В "учительском" доме на втором этаже жила Александра Людвиговна Кукшинская. Откроет окна настежь, сядет на подоконник и на гитаре начинает играть. Дети вокруг подъезда собирались, танцевали, а она им гостинцы со второго этажа скидывала. Мы, пробегая мимо, частенько этими сладостями лакомились.

В семь лет я с отцом впервые побывала в Свердловске. Поразили меня чистота, трамваи, дома высокие, покрашенные в разные цвета. Увидев эту красоту, разревелась: "Папа, почему у нас так страшно?". А он меня обнял и успокоил: "Ничего, Валюша, скоро и у нас все будет, вот увидишь!" Прав он оказался, цивилизация дошла и до Кудельки!

Записала Д. БОРИСОВА.